

DOI: 10.31857/S032103910001680-1

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ОТТО БЕТЛИНГА (1815–1904)

А. А. Вигасин

*Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

Работа посвящена некоторым аспектам биографии великого санскритолога в связи с публикацией книги о нем А. Штахе-Вайске, а также подготовленного ею же сборника писем О. Бетлинга Р. Роту. Особое внимание автор уделяет годам, проведенным в Санкт-Петербурге (1842–1868), когда ученый работал над Петербургским словарем санскрита и был деятельным сотрудником Императорской академии наук.

Ключевые слова: О. Бетлинг, санскритология, Большой Петербургский словарь, Императорская Санкт-Петербургская академия наук

ASPECTS OF THE BIOGRAPHY OTTO BÖHTLINGK

Alexey A. Vigasin¹

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

The paper deals with some aspects of the biography of the great Sanskrit scholar in connection with the publication of a book about him by A. Stache-Weiske, and the publication of Böhrtlingk's letters addressed to R. Roth compiled by the same author. Special attention is paid to the years spent in St. Petersburg (1842–1868), when the scholar was working on the St. Petersburg dictionary of Sanskrit and was an active member of the Imperial Academy of Sciences.

Keywords: O. Böhrtlingk, Sanskrit studies, Petersburger Sanskrit-Wörterbuch, Saint Petersburg Imperial Academy of Sciences

Данные об авторе. Алексей Алексеевич Вигасин – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ.

Подводя итоги санскритологии XIX в., Эрнст Виндиш¹ писал, что в ней господствовал триумвират: Отто Бетлинг, Рудольф Рот и Альбрехт Вебер. Целую эпоху составил санскрито-немецкий словарь, подготовленный Бетлингом и Ротом при активном участии Вебера. Словарь этот в семи гигантских томах был издан в Санкт-Петербурге (1855–1875), а потому в науке его принято называть Большим Петербургским (БПС)². Словарный запас санскрита впервые в науке анализировался по памятникам словесности с учетом достижений сравнительно-исторического языкознания. Организатором этого предприятия, его главным участником был член Императорской Санкт-Петербургской академии наук Отто Бетлинг.

Неутомимому исследователю принадлежал целый ряд книг, не потерявших значения до настоящего времени: достаточно назвать Малый Петербургский словарь, также в семи томах (1879–1889 гг.), и образцовое издание грамматики санскрита Панини (в издании 1887 г. сопровождаемое переводом). А кроме этого была еще санскритская хрестоматия, по которой изучали язык несколько поколений санскритологов (1845 г. и существенно дополненное издание 1877 г.), трехтомное собрание индийских афоризмов (1863–1865 гг., второе, расширенное, издание 1870–1873 гг.), сопровождаемых немецким переводом, и многое другое³. Он обладал фантастической работоспособностью и редкой эрудицией. Причем не только в области санскритологии: первые грамматика и словарь якутского языка (1851) также были составлены Отто Бетлингом.

Поразительно, что до сих пор ни в русской, ни в зарубежной литературе практически не было работ о Бетлинге, за исключением юбилейных статей и некрологов. В этом отношении гораздо больше повезло его постоянно-му оппоненту Максу Мюллеру, которому посвящен целый ряд монографий⁴ (более поверхностный Макс Мюллер⁵, охотно выступавший с популярными лекциями и статьями, всегда пользовался широкой славой). Работы Бетлинга имеют более специальный характер, в них мало широких обобщений и нет литературного блеска. К тому же не сохранился архив ученого, а потому его биографы лишены ценных источников.

В настоящее время наблюдается большой интерес к истории науки: по этой теме проводятся конференции, публикуются архивные материалы и основанные на них исследования. Речь при этом идет преимущественно не о традиционной историографии (в духе упомянутой выше монографии Виндиша). Современных ученых больше интересует социальная история

¹ Windisch 1917, 238–239.

² См. Vigasin 2003, 194–210; 2008.

³ Здесь достаточно назвать только издания и переводы таких текстов, как «Мугдха-бодха» Вопадевы (1847) и «Абхидханачинтамани» Хемачандры (1847), «Абхиджняна-шакунтала» Калидасы (1842) и «Мриччхакатика» Шудраки (1877), «Чхандогья-упанишада» (1889) и «Брихадараньяка-упанишада» (1889), «Кавьядарша» Дандина (1890). Почти все работы Бетлинга были опубликованы Императорской академией наук.

⁴ Müller 1903; Choudhuri 1974; van den Bosch 2002; Molendijk 2016.

⁵ По характеристике В. Ягича, «гениальный болтун» (Jagić 1963, 109).

науки, ее характер в определенном идеологическом и культурном контексте. Помимо истории идей особое внимание привлекает история людей — творцов науки, в сложном переплетении биографии с историографией⁶.

В престижной серии Veröffentlichungen der Helmuth von Glasenapp-Stiftung в 2007 г. был издан объемистый (870 с.) том писем Отто Бетлинга Рудольфу Роту⁷; в 2015 г. издание дополнили полезным индексом. Петербургскому словарю как крупнейшему достижению санскритологии XIX в. посвящено несколько статей в сборнике к 200-летию индологии⁸. Для названной выше серии готовится издание Kleine Schriften О. Бетлинга. И вот, наконец, перед нами фундаментальная биография ученого, подготовленная Агнесой Штахе-Вайске⁹, которая свою основную задачу видит в максимально полном восстановлении фактов его жизни. Обрисованы родственные и дружеские связи в разные периоды жизни: в Петербурге, в Бонне, снова в Петербурге, затем в Йене и, наконец, в Лейпциге. В книге содержится немало любопытных деталей для понимания академической среды XIX в. в России и в Германии. Библиография колоссальная, использованы многочисленные документы из десятков архивов по всему миру (в том числе, естественно, Санкт-Петербурга и Москвы). Добавить к этому можно было бы совсем немного. К примеру, в списке писем Отто Бетлинга, хранящихся в архивах, пропущено письмо основателю русской индологии И.П. Минаеву (Институт восточных рукописей, СПб). В разделе о портретах Бетлинга нет фото, которое публиковалось ранее¹⁰. В библиографию можно было бы включить «Летопись Российской Академии наук»¹¹.

Основным источником для автора послужила переписка ученых: не только письма Бетлинга, но и корреспонденция его коллег и друзей. Письма приводятся в обширных цитатах, так что в ряде случаев речь может идти о первой их публикации. Переписка показывает характер взаимоотношений между учеными, а порою свидетельствует о том, что сами исследования возникали в процессе диалога — устного или эпистолярного.

Отто Бетлинг принадлежал к российским немцам. Его предки были состоятельными торговцами, прадед переселился из Любека в Санкт-Петербург при Петре I, в 1713 г. В документах Отто обозначал Россию как свою Heimatland¹². Учился он сначала в известной Петришule, а затем в гимназии в Дерпте. В 1833 г. поступил в Санкт-Петербургский университет, чтобы изучать языки мусульманского Востока: арабский, персидский и турецкий.

⁶ См., например, Bongard-Levin, Lardinois, Vigasin 2002; Brückner *et al.* 2003; Clue 2004; Sengupta 2005; Lardinois 2007; Maillard 2008; Rabault-Feuerhahn 2008; Walravens, Stache-Weiske 2015.

⁷ Böhrtlingk 2007.

⁸ Stache-Weiske 2012; Zeller 2012.

⁹ Stache-Weiske 2017.

¹⁰ См. Н. Pedersen, *Linguistic Science in the Nineteenth Century*. Cambridge (MA), 1931. P. 19.

¹¹ *Летопись Российской Академии наук*. В 4-х томах. Том II. 1803–1860; Том III. 1861–1900. СПб., 2002–2003.

¹² Stache-Weiske 2017, 24.

Однако уже в следующем году знакомство с Ф. Боллензенем, который получил подготовку по санскриту в Геттингене, а в Петербурге (и затем в Гатчине) нашел место учителя, полностью переменяло его планы¹³. Весною 1835 г. Отто Бетлинг отправился в Берлин, чтобы учиться у Франца Боппа. Занятия с основателем индоевропеистики его не удовлетворили, и уже в августе он переехал в Бонн, чтобы слушать лекции другого выдающегося лингвиста — Августа Вильгельма Шлегеля. Но настоящим учителем Бетлинга стал помощник Шлегеля, норвежец Христиан Лассен. Впрочем, близких отношений у них не сложилось. Спустя годы он признавался в письме Роту: «Я многим, очень многим ему обязан. И тем более жаль, что не могу любить его»¹⁴.

Любопытно, что юный санскритолог не захотел защищать диссертацию в Бонне, который называли тогда «Бенаресом на Рейне». Ученую степень он получил в заштатном университете в маленьком городке Гиссене, где иностранцам (а Бетлинг числился «русским») дозволялось не проходить процедуру публичной защиты, и даже не предоставлять диссертации: нужно было только заплатить некую сумму университету. В зрелые годы он объяснял этот шаг присущей ему робостью перед публичными выступлениями¹⁵. По всей видимости, эта черта оставалась у него до старости и отчасти являлась причиной того, что, будучи патриархом санскритологии, он избегал принимать участие в научных конференциях.

В те же годы он завершал тот труд, которым и в старости особенно гордился¹⁶: первое издание санскритской грамматики Панини. Издание это (Bonn, 1839—1840, 2 т.) молодой ученый посвятил президенту Императорской академии наук Сергею Семеновичу Уварову, «под мудрым руководством которого... в Отечестве идут к процветанию науки, искусства и просвещение». Несомненно, он рассчитывал на помощь этого «благородного покровителя востоковедения» при трудоустройстве на родине. Вскоре он, действительно, был избран адъюнктом Академии и вернулся в Санкт-Петербург. В 1845 г. стал экстраординарным академиком. Обе вакансии ординарного академика по восточным языкам и словесности были заняты, но по представлению руководства Академии императорским указом от 24 апреля 1856 г. было создано третье место, специально для Бетлинга. Академические связи должны были упрочиться еще раньше, после бракосочетания в 1846 г. с дочерью академика Христиана Фридриха Грефе (у которого он еще студентом учил греческий язык). В 1849 г. он стал первым директором академической типографии.

У Бетлинга были грандиозные планы. В 1846 г. Академия поддержала его предложение издать полный текст «Ригведы» с обширными комментариями Саяны. Рукописи этого памятника были скопированы Максом Мюллером, которому Бетлинг предложил переехать в Россию и продать эти копии

¹³ Отметим попутно, что тогда же Боллензен приобрел к древнеиндийскому языку и первого русского санскритолога П.Я. Петрова (Vigasin 2014, 66).

¹⁴ Böhtlingk 2007, 53.

¹⁵ Stache-Weiske 2017, 43.

¹⁶ Stache-Weiske 2017, 50.

Императорской академии наук. От имени Академии было даже опубликовано извещение, что Отто Бетлинг будет издавать «Ригведу» в сотрудничестве с Максом Мюллером. Однако в последний момент Мюллер отказался от этого сотрудничества, опасаясь, что результаты его труда будут присвоены. Отсюда берет начало многолетняя вражда двух выдающихся санскритологов¹⁷. Весьма значительные средства на издание памятника были получены из других источников — главным образом от британского India Office (и, конечно, это было куда естественнее, чем финансирование со стороны Российской империи, где, кроме Бетлинга, санскритологов по сути и не было).

Тогда же Альбрехт Вебер вынашивал планы издания за счет Академии в Петербурге «Яджурведы» и с этой целью предлагал Бетлингу быть его соавтором¹⁸. Тот согласился, но по каким-то причинам издание это не состоялось. И опять-таки спонсорская помощь для публикации, осуществленной Вебером без чьей-либо поддержки, была оказана India Office.

Самым грандиозным проектом Бетлинга, задуманным еще в начале 1840-х годов, был БПС, в котором должны были принимать участие Теодор Ауфрехт и Рудольф Рот. Но Ауфрехт вскоре переехал в Англию и прекратил работу над словарем. Ближайшим помощником Бетлинга, кроме Рота, стал Вебер, профессор в Берлине¹⁹. Любопытно, что Бетлинг познакомился с соавторами спустя почти два десятилетия после начала совместной работы над словарем — они общались исключительно по переписке. В середине XIX в. почта работала исправно, едва ли не лучше, чем сейчас: корреспонденция между Тюбингеном и Петербургом шла от 10 до 18 дней²⁰. Лишь в 1866 г. Бетлинг побывал в Германии и впервые встретился со своими многолетними друзьями и сотрудниками.

Круг общения Бетлинга в Санкт-Петербурге состоял исключительно из представителей немецкой колонии (А. Шифнер, Ф. Видеман, В. Хен, А. Миддендорф). С первым петербургским санскритологом, доцентом столичного университета, Каэтаном Коссовичем, он не был даже знаком²¹. В его письмах почти нет упоминаний русских ученых, а в личных фондах российской профессуры практически нет писем от Бетлинга. Исключение составляет лишь Константин Степанович Веселовский — общение с ним как с неперменным секретарем Академии вызывалось практической необходимостью. Кроме того, он являлся главным покровителем так называемой «немецкой партии» в Академии, одним из наиболее деятельных членов которой и был Отто Бетлинг. Штахе-Вайске определяет отношения Бетлинга с Веселовским как «дружбу». Однако после того как в 1890 г. последний был вынужден покинуть пост неперменного секретаря Академии, кажется,

¹⁷ См. Stache-Weiske 2012, 69–94.

¹⁸ Stache-Weiske 2017, 157.

¹⁹ См. Zeller 2012, 95–116.

²⁰ Böhntlingk 2007, 18.

²¹ Böhntlingk 2007, 400: «Сам я Коссовича никогда не видел» (письмо Роту от 12 мая 1863 г.).

прекратилась и их переписка (между тем Веселовский умер в 1901 г., а Бетлинг еще позже).

В письмах Бетлинг совсем не касался политики. Вебер не без ехидства объяснял это привычкой русского подданного (не обсуждать действия начальства)²². Едва ли не единственное исключение — отклик на смерть императора Николая I: «Я с радостью увидел, что даже враждебные нам газеты в должном свете представляют великую личность покойного императора. Это была натура твердая, как скала, железная и достойная уважения»²³. Напротив, вся эпоха великих реформ, очевидно, не вызывала у него живого интереса: никаких откликов на важнейшие события в России в его письмах нет. Скорее всего связь его с этой страной с годами ослабевала. Сообщение в письме о том, что Академия празднует юбилей М.В. Ломоносова, сопровождается примечанием, что тот был выпивохой²⁴. А на смерть С.С. Уварова, которому он когда-то посвятил свою первую книгу, Бетлинг отреагировал презрительными словами о том, что этот полутатарин мало интересовался делами подведомственной ему Академии наук²⁵.

Как и его друзья, Бетлинг враждовал с профессурой русских университетов. В одной из официальных бумаг он заявлял, что между сотрудниками Академии и профессорами университетов есть принципиальное различие²⁶. Первые призваны обеспечить прогресс науки, а вторые в основном лишь передают студентам своей страны знание, добытое не ими. Сводя университеты к уровню чисто образовательных учреждений, он, очевидно, имел в виду только Россию. Ведь его соавторы по БПС Рот и Вебер были именно университетскими профессорами — не мог же он думать, что они всего лишь делились с молодежью результатами чужих изысканий.

Некоторая тенденциозность Штахе-Вайске проявляется в ее рассказе о знаменитом «деле Леопольда Шредера» (1879) — молодого дерптского санскритолога, которого Бетлинг настойчиво пытался ввести в Академию наук. В историко-филологическом отделении, где не было ни одного русского ученого, кандидатура Шредера была поддержана, однако на общем собрании не получила необходимого большинства. Вслед за Бетлингом и его друзьями автор его биографии рассматривает это как некую интригу со стороны русских националистов²⁷. Но стоило бы обратить внимание на то, что даже академик Эрнст Эдуард Куник, будучи немцем по происхождению, тем не менее оценивал ситуацию более трезво: «Можно, конечно, весь скандал приписывать горячности русских патриотов, но ей предшествовало непростительное ослепление группировки, действовавшей высокомерно

²² Stache-Weiske 2017, 138 (из письма А. Вебера американскому лингвисту У.Д. Уитни).

²³ Böhrtlingk 2007, 111.

²⁴ Böhrtlingk 2007, 517.

²⁵ Böhrtlingk 2007, 132. Заметим попутно, что публикатор явно неверно прочитала “den Grafen Uwarow” как “den Grossen”.

²⁶ Böhrtlingk 2007, 140.

²⁷ Stache-Weiske 2017, 142–147.

и деспотически»²⁸. И даже Вебер, которого трудно заподозрить в «русском национализме», полагал, что действия Бетлинга в этой истории были ошибочными и несправедливыми²⁹.

Говоря о конфликте академического большинства (немецкого и прусского) со II отделением (русского языка и словесности), Штахе-Вайске не учитывает весьма существенных обстоятельств. Избрание в Императорскую академию наук не было просто актом признания заслуг ученого. В XIX в. Академия была по существу небольшим (чуть более 30 человек по всем отраслям знания) многопрофильным научно-исследовательским институтом. Поэтому состав Академии отражал те приоритеты, которые государство устанавливало в деле научных исследований. Характеристика конфликта как *Nationalitätenfrage* не вполне верно отражает его суть. Дело было отнюдь не только в том, будет ли в Академию выбран немец или русский. Тот же Куник справедливо писал: «Хотели заставить нас взять второго санскритиста, что явно было бы роскошью, а в то же время препятствовали тому, чтобы был второй историк, византист и специалист по сравнительному языкознанию»³⁰. Через несколько лет, объясняя в письме Веберу очередной скандал в Академии, когда голосами «немецкой партии» был забаллотирован выдающийся химик Д.И. Менделеев, Бетлинг писал, что Академия нуждалась тогда не в химике, а в технологе³¹. Но вряд ли можно утверждать, что в 1879 г. необходим был именно второй санскритолог, а, положим, не второй специалист по русской истории.

Штахе-Вайске полагает, что вопрос национальности ученого для Бетлинга и его друзей не имел никакого значения³². Это справедливо лишь в одном смысле: важно было не происхождение³³, а позиция ученого. Замечательный арабист прибалтийский немец барон В.Р. Розен, как известно, был принужден выйти из Академии в знак протеста против односторонней немецкой ориентации непременного секретаря Константина Веселовского, чистокровно русского³⁴.

Статус ординарного академика соответствовал действительному статскому советнику (VI по табели о рангах), его жалование примерно равнялось

²⁸ Цит. по: Jagić 1930, 446.

²⁹ Эта оценка выражена в его комментарии к письму А. Шифнера (см. публикацию: Walravens, Stache-Weiske 2015, 280).

³⁰ Цит. по: Jagić 1930, 446.

³¹ Stache-Weiske 2017, 149.

³² Stache-Weiske 2017, 141.

³³ По словам В. Ягича, «немецкую партию», кроме К.С. Веселовского, постоянно поддерживали вице-президент В.Я. Буняковский, русские академики В.П. Безобразов, Н.И. Кокшаров, А.Н. Савич, П.Л. Чебышев (Jagić 1934, 6).

³⁴ См. публикацию официального письма Розена по этому поводу: Krachkovskiy 1947, 117–130. Также см. Jagić 1930, 446; 1934, 105. Шифнер писал Веберу по поводу результатов голосования на выборах Шредера: «Мне особенно больно, что наш самый молодой коллега барон Виктор фон Розен голосовал в согласии с партией университетской профессуры» (Walravens, Stache-Weiske 2015, 278).

окладу профессора в университете³⁵. Бетлинг получал около 1500 руб. (не считая 700 руб., которые ему платили как директору академической типографии). Помимо жалования, академику полагались казенная квартира и дрова, что, по подсчетам Бетлинга³⁶, составляло еще около тысячи рублей. После 25 лет службы он получал право на пенсию в полном размере жалования.

Однако членам Отделения русского языка и словесности ни жалования, ни казенной квартиры, ни пенсии не полагалось. Они получали только скромный гонорар за посещение академических собраний, а также могли издавать свои труды в академической типографии. Академики-слависты были вынуждены преподавать в учебных заведениях, чтобы иметь средства существования. Академическое звание означало для них почет, но не приносило дохода. Таким образом, ученому, который писал по-немецки труды о санскрите, обеспечивалось полное содержание от русского правительства. А тот, кто занимался русской словесностью или славянскими языками, финансовых средств от Академии наук Российской империи не имел. При этом почти весь тот круг немецких ученых, к которому принадлежал Бетлинг (за исключением, может быть, добрейшего Шифнера), относился к русским коллегам свысока³⁷. Забавно читать в книге Штахе-Вайске³⁸ фрагмент из неопубликованных воспоминаний академика Ф. Видемана, в котором тот говорит, что русские профессора — это просто клика, которая составляет государство в государстве (между прочим, в русском государстве). Ситуация стала меняться лишь после 1890 г., когда президентом Академии стал великий князь Константин Константинович, а Веселовский потерял должность неперменного секретаря.

В то время, когда в Западной Европе складывались и развивались национальные государства, Россия оставалась архаичной империей. Во многих отношениях — в организации науки в том числе — руководству страны были чужды национальные интересы. Именно поэтому финансировались такие ученые предприятия, которые не были жизненно важны для отечественной культуры. Авторитет Бетлинга в Академии был непререкаем, и его предложения не встречали отказа. При этом речь идет не только о его собственных трудах. Так, например, он организовал издание книжки некоего Чарльза Брюса (ученика Рота), посвященной тексту одного из эпизодов «Махабхараты». В Европе не удавалось найти издателя для такой книги, которая вряд ли могла иметь читателей. И по просьбе Рота Бетлинг устроил публикацию

³⁵ И.П. Минаев, будучи доцентом университета, получал 1200 рублей (см. письмо А. Шифнера в: Walravens, Stache-Weiske 2015, 46). Профессорское жалование (2, а то и 3 тыс. руб.) было сопоставимо с тем, что получали профессора в Берлине (см. Jagić 1930, 239).

³⁶ Stache-Weiske 2017, 122.

³⁷ По словам В. Ягича (Jagić 1934, 49), немцы в России (к примеру, близкий друг О. Бетлинга Виктор Хен) отзывались о русских с презрением как о низшей, некультурной расе.

³⁸ Stache-Weiske 2017, 140.

ее за счет Императорской академии наук — несмотря на то что в академической типографии была очередь на издание работ отечественных ученых.

Бетлинг ясно отдавал себе отчет в том, что нигде в мире нельзя рассчитывать на такие благоприятные условия для научной работы и такое щедрое финансирование издания его трудов, как в России. Но жизнь в этой стране, очевидно, тяготила его: он лишь ожидал наступления срока, когда по закону должен был получить право на пенсию. 25-летие службы наступило в 1868 г., и ученый сразу же сообщил руководству Академии о том, что уезжает в Германию. В качестве причины отъезда было указано на пошатнувшееся здоровье. Но вряд ли стоит, как Штахе-Вайске³⁹, принимать этот повод всерьез, ссылаясь на то, что за восемь лет до этого он болел воспалением легких. Здоровье у него было отменное, он прожил еще 36 лет. И мысль о переезде у него, конечно, созрела давно — мне представляется, что его поездка в Йену летом 1866 г. была связана именно с этими планами.

Академия пошла на беспрецедентный шаг: предоставила Бетлингуграничную командировку сроком на три года. Возвращаться он не собирался и по истечении трех лет поднял вопрос о бессрочной командировке. В этом ему было отказано, но вновь была оформлена командировка на три года — и так продолжалось 26 лет. В 1868—1885 гг. он жил в Йене, а затем до самой смерти в Лейпциге. Лишь в 1894 г., накануне своего 80-летия, Бетлинг был переведен в разряд «почетных академиков» (чем был смертельно обижен⁴⁰).

Штахе-Вайске рисует образ человека, бесконечно преданного науке, — и она права. Но, как часто бывает с авторами книг о «жизни замечательных людей», она поддается обаянию своего героя. Между тем в письмах предстает характер сложный, временами деспотический. Неслучайно известный русист академик И.И. Срезневский говорил, что высоко ценит труды Бетлинга, но как личность терпеть его не может⁴¹. Враждебные отношения сложились у него не только с Отделением русского языка и словесности, но и с некоторыми коллегами по Историко-филологическому отделению (М.Ф. Броссе, Б.А. Дорн). Труды Отто Бетлинга составляют гордость Императорской академии наук, но роль его в академической политике представляется неоднозначной.

Книга Агнес Штахе-Вайске посвящена биографии ученого, а не оценке его идей, но, естественно, нельзя говорить о нем, не касаясь дела его жизни. Далеко не все выводы великого санскритолога, которые он формулировал весьма решительно, выдержали испытание временем. Так, например, Бетлинг не верил, что письменность в Индии возникла поздно и важнейшие произведения санскритской словесности на протяжении веков передавались в устной форме. Он полагал, что даже во времена «Ригведы» письменность была хорошо известна⁴². Вряд ли кто-либо из наших современников способен разделить это мнение — тут прав был скорее его оппонент Макс Мюллер.

³⁹ Stache-Weiske 2012, 70.

⁴⁰ Stache-Weiske 2017, 274.

⁴¹ Stache-Weiske 2017, 83.

⁴² Stache-Weiske 2017, 285.

В научном наследии Бетлинга большое место занимают издания санскритских текстов. Принципы, положенные в основу этих публикаций, уязвимы для критики. Как строгий ревнитель грамматической традиции, он был склонен к исправлениям чтений, возлагая вину за отклонения от правил, сформулированных в «Восьмикнижии» Панини, на небрежность переписчиков. Его оппоненты⁴³ — в особенности младшие современники — к рукописным вариантам относились более бережно.

Бетлинг явно не любил путешествовать. За 25 лет жизни в Петербурге он лишь один раз посетил Германию, а уехав из России, больше ни разу не побывал в том городе, где родился и прожил большую часть жизни. Он принадлежал к тому поколению индологов, которые никогда не видели Индии (таким же был и Макс Мюллер). Не только современное состояние страны, но и живая традиция санскритской учености, по всей видимости, мало его интересовали. Упреки, которые делались составителям БПС как кабинетным ученым, имели под собой основание. Однако именно такой подход к текстам и позволил им совершить принципиально важный шаг в изучении санскрита. После словаря Бетлинга и Рота санскритология освободилась от слепого доверия к средневековым комментариям и встала на прочную основу достижений индоевропеистики. Это имело огромное значение не только для изучения древнеиндийской цивилизации, но и для сравнительно-исторического языкознания.

Литература / References

- Böhtlingk, O. 2007: *Otto Böhtlingk an Rudolf Roth. Briefe zum Petersburger Wörterbuch (1852–1885)*. H. Brückner, G. Zeller (Hrsgg.), bearbeitet von A. Stache-Weiske. Wiesbaden.
- Bongard-Levin, G.M., Lardinois, R., Vigasin, A.A. 2002: *Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935)*. (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, XXVI). Paris.
- Bosch, Lourens P. van den 2002: *Friedrich Max Müller. A Life Devoted to the Humanities*. Leiden.
- Brückner, H., Butzenberger, K., Malinar, A., Zeller, G. (Hrsg.) 2003: *Indienforschung im Zeitenwandel*. Tübingen.
- Choudhuri, Nirad C. 1974: *Scholar Extraordinary. The Life of Professor the Rt. Hon. Friedrich Max Müller*. London.
- Clue, M. (dir.) 2004: *La fascination de l'Inde en Allemagne 1800–1933*. Rennes.
- Jagić, V. 1930–1934: *Spomeni mojega života* [The Memories of My Life]. T. I–II. Belgrade.
- Јагић, В. 1930–1934: *Спомени мојега живота*. Т. I–II. Београд.
- Jagić, V. 1963: *Pis'ma I.V. Yahycha k russkim uchenym* [Letters of V. Jagić to Russian Scholars]. Moscow–Leningrad.
- Ягич, И.В. 1963: *Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886*. М.—Л.
- Lardinois, R. 2007: *L'invention de l'Inde. Entre ésotérisme et science*. Paris.
- Maillard, Chr. 2008: *L'Inde vue d'Europe. Histoire d'une rencontre (1750–1950)*. Paris.
- Molendijk, A.L. 2016: *Friedrich Max Müller and the Sacred Books of the East*. Oxford.

⁴³ Показательна цитата из писма Вебера Бетлингу: «Мне кажется, мы еще довольно далеки от взаимопонимания, так как Вы всегда требуете восстановить корректную санскритскую форму. Для меня же, напротив, важно понять причину некорректности и проследить специфику стиля» (Stache-Weiske 2017, 198).

- Müller, Fr.M. 1903: *Life and Letters of the Right Honorable Friedrich Max Müller*. Ed. by his Wife Georgina Adelaide. Vol. 1–2. London–New York.
- Krachkovskiy, I.Yu. 1947: *Pamyati akademika V.R. Rozena* [To the Memory of Academy Member V.R. Rosen]. Moscow, Leningrad.
- Крачковский, И.Ю. (ред.) 1947: *Памяти академика В.Р. Розена*. М.—Л.
- Rabault-Feuerhahn, P. 2008: *Sanskrit, philologie, anthropologie dans l'Allemagne du XIXe siècle*. Paris.
- Sengupta, I. 2005: *From Salon to Discipline. State, University and Indology in Germany 1821–1914*. Heidelberg.
- Stache-Weiske, A. 2012: “Da die Herren Sanskritisten zornige Leute sind...”. Bemerkungen zum Verhältnis von Otto Böhtlingk und Max Müller aus Briefen und anderen Quellen. In: H. Brückner, K. Steiner (Hrsgg.), *200 Jahre Indienforschung — Geschichte(n), Netzwerke, Diskurse*. Wiesbaden.
- Stache-Weiske, A. 2017: «...für die Wissenschaft, der ich von ganzer Seele lebe». Otto Böhtlingk (1815–1904), ein Gelehrtenleben rekonstruiert und beschrieben anhand seiner Briefe. Wiesbaden.
- Vigasin, A.A. 2003: [The Story of a Sanskrit Dictionary]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 194–210.
- Вигасин, А.А. 2003: Дело о санскритском словаре. *ВДИ* 2, 194–210.
- Vigasin, A.A. 2008: *Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy)*. [Indology in Russia (Papers and Materials)]. Moscow.
- Вигасин, А.А. 2008: *Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. М.
- Vigasin, A.A. 2014: [The first Russian Sanskrit scholar Pavel Petrov (1814–1875)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya vostokovedenie* [Journal of Moscow State University, Oriental Studies] 3, 68–78.
- Вигасин, А.А. 2014: Первый русский санскритолог Павел Петров (1814–1875). *Вестник Московского университета. Серия Востоковедение* 3, 68–78.
- Walravens, H., Stache-Weiske, A. 2015: *Anton Schiefner (1817–1879) und seine indologischen Freunde*. Wien.
- Windisch, E. 1917: *Geschichte der Sanskrit-Philologie und indischen Altertumskunde*. I. Teil. Strassburg.
- Zeller, G. 2012: Der Dritte im Bunde — Albrecht Weber und das Petersburger Sanskrit-Wörterbuch. In: H. Brückner, K. Steiner (Hrsgg.), *200 Jahre Indienforschung — Geschichte(n), Netzwerke, Diskurse*. Wiesbaden.